

**Максим
Горький**

Перед лицом жизни

**Директ-Медиа
Москва
2010**

Горький М. Перед лицом жизни. — М.: Директ-Медиа, 2010. — 268 с.

ISBN 978-5-9989-4353-9

Максим Горький (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова; 1868—1936) — едва ли не самый известный и вместе с тем самый «непрочитанный» писатель XX века. Его творческое наследие огромно и разнообразно. В этом томе, составленном на основе современных школьных программ по литературе, перед читателями предстанет разноликий Горький — не только автор самобытной прозы и драматург, но и поэт, а также публицист.

© Горький М., 2010

© Издательство "Директ-Медиа", оформление, 2010

Содержание

Открытие	5
Отработанный пар	13
Ответ А.А. Карелину	17
Озорник	23
Палач	43
Пастух	46
Паук	53
Перед лицом жизни	57
Первый дебют	59
Песня о слепых	62
Петербургские типы	70
Письма начинающим литераторам	79
Письмо	111
Письмо Е.П. Пешковой	114
Письмо в редакцию	118
По поводу чуда	120
По пути на дно	126
Эпизод 1. Лука	126
Эпизод 2. Сатин	132
Эпизод 3. Барон, Настя	137
Почтальон	142
Поэт	147
Покойник	156
Поль Верлен и декаденты	173
Последний день	188
Пожар	207
Пожары	236

Открытие

(Из мемуаров современника)

...Сегодня, после обеда, жена, — когда мы сидели с ней у меня в кабинете, — тревожно и ласково сказала мне:

— В твоих отношениях ко мне, Поль, появилось что-то странное. Ты иногда смотришь на меня так вопросительно... точно ждёшь чего-то от меня и хочешь узнать: когда же?.. скоро ли? И — потом ты стал как-то особенно внимателен ко мне... внимателен не как к женщине... этого я бы наверное не заметила... это так обыденно и привычно... нет, это опять-таки то же странное, спрашивающее и ожидающее внимание, как и твои молчаливые взгляды. Что с тобой? Меня пугаешь ты, Поль!

И, когда она сказала это, на её глазах блеснули слёзы — боязни и недоумения... Какая она чуткая!..

Я тоже испугался её вопроса и, как мог, — стал утешать её. На это пошло немного времени... — женщины во всём быстро утешаются, — и когда мне это удалось, то я с некоторым внутренним трепетом спросил её: не пыталась ли она объяснить себе как-либо моё настроение?

— Да, — сказала она и смутилась. — Я думаю, что ты недоволен тем, что... вот уже пять месяцев... как мы с тобой... муж и жена... а я... всё ещё...

Вся красная от стыда и волнения, она кончила свою фразу шёпотом и, закрыв лицо руками, свернулась рядом со мною на диване в красивый, мягкий комок — чувственную и шаловливо подстерегающую позу, из всех животных возможную только для кошек и женщин.

Сквозь тонкие, белые пальчики рук сверкали её чёрные глазки, и платье цвета морской воды окутывало всю её мягкими, пышными волнами.

Я объяснил ей моё настроение некоторым недомоганием, успокоил её и успокоился сам, видя из её слов, что она убеждена

в моей любви и поэтому, при всей своей чуткости, неспособна понять, о чём именно я её спрашиваю, когда смотрю на неё. И мне стало жалко её. Потом я ушёл гулять, предупредив её не дожидаться меня, потому что я зайду в клуб. Она посетовала и отпустила меня с поцелуем, а когда я воротился, она уже спала.

...Я сейчас только отошёл от её постели, где просидел часа два, глядя на неё, эту маленькую женщину, мою жену.

Она лежит там на спине, полуприкрытая тонким одеялом, рельефно обрисовывающим все изгибы её тела, — лежит и улыбается сквозь сон, а вокруг её головы по подушке чёрным венцом раскинулись спутанные пряди её волос. Одна из них легла ей на плечо и на горло, другая на розовую щёку, несколько волосков заползли во впадину глаза, к длинным ресницам... и густой локон осыпал ей левое ухо. Вся она — такая красивая, соблазнительно свежая, и её кожа дышит острым, волнующим нервы ароматом женщины. В окно смотрит луна, на окне стоят цветы, и от них легли тени на ковёр около кровати... на стену за ней. Ночь так тиха и тепла... зелень первого летнего месяца ласково шепчет о чём-то и наполняет спальню сочным, тёплым наркотом, облекающим душу м ленивую негу...

Я — совершенно здоровый человек, может быть, несколько выше нормы впечатлительный, но здоровый. Впрочем, — прочь и оговорку, — может ли быть речь о норме в сфере восприятия впечатлений? Итак, я, здоровый человек, вот уже восьмую ночь провожу таким странным и смешным образом у постели моей жены, боясь дотронуться до неё и чувствуя, что, если я моей законной лаской потревожу её сон, — это оскорбит её и меня, хотя она и не поймёт этого оскорбления, а — как всегда — будет рада ему. С того момента, когда последний раз я, полный страсти, менялся с нею ласками, прошло тринадцать дней.

Что же случилось до этого времени?

Ничего особенного...

Всё шло так, как и должно было идти в первое время после свадьбы, хорошо, ласково, горячо. Мы любовались друг другом,

наслаждались друг другом, и часто она, в восхищении, говорила мне, что никак не ожидала встретить в любви столько новизны и счастья.

Я всегда с полной готовностью и чистым сердцем подтверждал её слова.

И вот — вдруг откуда-то наплыла на меня тень, странная, холодная тень, обессиливающая чувство и изошряющая ум. В первый раз я ощутил её присутствие тринадцать дней или, вернее, тринадцать ночей тому назад.

Это случилось так.

* * *

Я воротился домой из клуба, возбуждённый и огорчённый разговором с одним знакомым. Говорили мы о жизни и её ехидной игре с человеком; эта тема всегда в конце концов дарит вас ощущением полного бессилия, одиночества и беспомощности.

И вот, войдя в спальню, где и тогда всё было так же вызывающе красиво, как сегодня, — я остановился у постели жены, чтобы прежде полюбоваться ею спящей, а потом уж разбудить её. Мне хотелось много говорить с нею ещё о этой жизни, которая ни над одним животным не смеётся так грубо, безжалостно и иронически и никого не преследует так беспощадно, как она делает это с человеком и преимущественно с лучшим человеком.

Я наклонился над спящей женой, чтобы поцеловать её в лоб, после чего она обыкновенно просыпалась, наклонился и залюбовался ею. Она же улыбалась во сне, и от лучей луны её лицо казалось мне прозрачным. Во всей её маленькой фигурке было что-то игрушечное, детское, и улыбка её была по-детски наивно хитра. Мне показалось сначала, что она не спит, а наблюдает за мною сквозь ресницы полузакрытых глаз, я уже хотел засмеяться над её маленькой хитростью, но она дышала так ровно, и я знал, что она неспособна притворяться так долго. То-

гда мне стало жалко будить её.

«Зачем, в сущности, я разбужу её? Чтоб сообщить ей, как трудно жить?» — спросил я себя.

И мне показалось глупым и смешным будить человека для того, чтоб жаловаться ему на жизнь, — о сущности которой ни он, ни я не имеем ясного понятия...

«Поймёт ли она то, что я скажу ей?»

И, подумав, я должен был ответить себе: «Нет, не поймёт! Она слишком молода, свежа и неопытна для того, чтоб уметь углубляться в бездну тех дум, которые охлаждают душу и оставляют на ней болезненные пятна ржавчины, пятна тоскливого недоумения пред явлениями жизни. Нужно ли ей понимать всё это?»

Нет! Зачем же? Что даст такое понимание? Очень редко умение ориентироваться и избрать прочную точку в жизни — и всегда обессиливает душу.

И, наконец, — зачем я, именно я, который люблю её, свою жену, и имею несчастье знать жизнь ближе и более, чем она, — зачем я должен посвящать её в неприглядную и суровую суть происходящего пред нею и рассказывать ей о тех камнях и терниях, что лежат на пути человека, на его мучительно трудном, кровавом пути к неизвестному?

Мне выгоднее сохранить её, полурребёнка, возможно долгое время в этом состоянии свежести чувств и мысли, в состоянии приятного полусна её души, так горячо чувствующей и так много верующей. Пусть она понимает меньше, это даст мне возможность наслаждаться ею долее, как цветком.

И если я захочу, — могу доставить себе тонкое удовольствие подливать в светлую влагу её чувствований капельки тёмного скептицизма, капельки острой горечи понимания. Она будет постепенно вянуть, а я буду наблюдать это и наслаждаться моей маленькой мстью жизни, которая отравила меня.

Я отравлен, — и вот отравляю сам, отравляю ценное, ещё не жившее существо... Наносу убыток жизни, лишая её энергии,

которая служила бы её целям, если б я хотел этого».

И тут я снова протянул руку, чтоб разбудить жену.

* * *

Но... почему-то я снова откинулся на спинку кресла и, глядя в лицо жены, стал думать — теми странными думами, которые так трудно отличить от ощущений. В моей голове как бы катилась густая лавина чего-то, бросавшего на душу мне плотные тени. Было скучно мне. И долго я не мог добиться ясности и связи моих дум.

Но когда добился, — мне стало холодно и страшно. Всё, о чём я думал, отлилось в твёрдую и резкую форму вопроса: люблю ли я свою жену? Тогда я встал, отошёл к окну и, прислонясь лбом к переплёту рамы, стал смотреть в сад. Он весь утопал в лунных лучах и тенях. И он молчал сосредоточенным молчанием существа, созерцающего тайны и уже много разгадавшего их.

«Жена...» — повторил я про себя и почувствовал, что это коротенькое слово, такое простое и, казалось бы, ясное, — звучит так холодно и ровно ничего не говорит ни уму, ни сердцу.

Таких звуков — много, они рождаются и умирают, не оставляя за собой ничего. Жена?! — Есть даже что-то рабски пошлое в этом.

Мы привыкли думать, что понимаем наши слова, и мы обманываем себя этой привычкой, — душа слов, значение их темны и незнакомы нам.

«Итак, — люблю ли я жену?» — спросил я. Я любил её глаза, её поцелуи и улыбку, её голос и жесты и ещё много таких мелочей и, пожалуй, всю её в этих мелочах. Но без них, как человека и живую душу, как сознание и загадку, как вечно вибрирующий в ответ на впечатления тонкий, чуткий, гармоничный инструмент? Любил ли я её такой?

Я не мог сказать себе, что искал в ней всё это — искал и желал найти... Мы встретились... Она, живая и бойкая девочка, по-

нравилась мне более других, мне же тогда жилось так скучно и тяжело, и я подумал, что, может быть, ничего не проиграю, если женюсь. Я заинтересовал её собой и ощутил в себе желание быть горячо обласканным ею.

Заставил её немного пожалеть себя. Это так просто — заставить женщину пожалеть себя. Особенно теперь, когда мужество в мужчине так же редко, как и женственность в женщине. Но, утратив много женственности, женщина всё-таки не разучилась жалеть — и в настоящее время любовь женщины — почти вся — сожаление к мужчине... слишком нищему духом и слабому телом для мужчины.

...Я всё забываю о главной теме...

Ответив на этот вопрос, я поставил себе другой...

«Что она любит во мне?» На это мне было труднее ответить, ибо поистине — будь я на её месте, будь я вообще женщиной, я не думаю, что мне удалось бы найти что-нибудь положительное и сильное, что-нибудь достойное внимания в человеке таком, как я... кроме разве способности думать какими-то бесконечными спиралями, увлекающими мысль куда-то в пропасть без дна и без намёка на свет.

Но у женщин такая несчастная логика...

Порешив на этом с вопросом о её любви, я спросил себя ещё раз:

«Зачем, на что мы нужны друг другу, раз мы чужие, незнакомые люди?»

И тут я понял, что не люблю жену, ибо когда бы я любил её хоть немного, — я не в состоянии был бы так спросить себя... Мне стало холодно...

Что же будет дальше, когда она поймёт меня? Что будет с нею тогда? И как скверно, скучно будет мне! Сколько, наверное, будет слёз, сколько бесполезного, острого, рвущего нервы, управляющего жизнь! Она вообразит себя сначала обманутой, потом мученицей долга, потом станет искать утешения и... заведёт себе любовника... Фи!..